

ФИЛОЛОГИЯ

*Наталья Владимовна ЛАБУНЕЦ —
доцент кафедры общего языкознания,
кандидат филологических наук,*

УДК 811.161.1'28

К ВОПРОСУ О КОНТАКТОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОСТАВЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

АННОТАЦИЯ. В статье на материале полевых исследований рассматриваются вопросы, связанные со стратификацией и этимологизацией заимствований в географической терминологии Тюменской области в условиях языкового контакта.

The author making use of the field research of language contacts considers several issues connected with stratification and etymology processes of borrowings in the sphere of geographical terminology in Tyumen region.

Контактологическое изучение заимствований предполагает двухуровневый анализ слова: 1) этимологический, когда устанавливается язык-источник заимствования; 2) трансмиссионный, цель которого заключается в изучении аспектов бытования заимствования в принимающем языке.

Источником данной статьи послужили диалектные материалы, лексикографическое описание которых представлено в Словаре народных географических терминов Тюменской области [1].

Контактологическая стратификация прямых заимствований, встречающихся в географической терминологии русских старожильческих говоров Тюменской области, дает возможность выделить две группы иноязычных включений: досибирские, «перенесенные» с территории Европейской России, и сибирские, локальные, неизвестные на других территориях.

Наибольшее число заимствований в составе тюменской географической терминологии относится к досибирским. Появление значительного пласта досибирской лексики связано с путями ранней русской колонизации Сибири - с Русского Севера через Северный Урал на Обь, в бассейн Иртыша. Это и объясняет тот факт, что в составе тюменской географической терминологии присутствуют генетические страты, соотносящиеся с прибалтийско-финскими, саамским и др. языками Русского Севера и Урала.

Рассматривая сибирские старожильческие говоры в историко-географической перспективе русской колонизации, А.Е.Аникин отмечает факты заимствования севернорусами лексики из языков тех народов, с которыми они вступали в непосредственный контакт по пути следования в Сибирь [2. С. 74]. В этой

связи следует считать исторически обоснованным наличие досибирской, уральской, лексики, заимствованной из северных диалектов ханты и манси, учитывая важность «чрезкаменного пути» (через Северный Урал) для тюменской территории, граничащей с уральской.

Сопоставляя материалы Топонимической экспедиции Уральского университета, осуществлявшей под рук. А. К. Матвеева в 60-80-х гг. XX в. сбор лексического материала на территории Нижнетавдинского, Тобольского, Уватского районов Тюменской области, с материалами экспедиций на Северный Урал, описанными в конце 50-х гг. А. К. Матвеевым [3], Т. Н. Дмитриева отмечает целый ряд терминологических соответствий [4].

К числу заимствований, перенесенных с уральской территории, можно отнести ряд терминов, бытующих в тюменских старожильческих говорах: *лупча*, *пошвор*, *чинья* и др. Среди них наибольший интерес в контактологическом отношении представляет термин *сор*, относящийся к числу наиболее употребительных в говорах.

Сор, *сорок*, *сорь*, *шор* с общим значением «пойма реки, затопляемая во время весеннего половодья; заливной луг; болотистая низина; большое озеро, соединенное протоками с рекой; небольшое озерко, образовавшееся на месте старого русла реки; речная старица». Аром, Ваг, Гол, Н-Тавд, Тоб, Тюм, Ув.

Термин *сор* в силу «сезонного взаимодействия языков» известен в говорах едва ли не всего региона, обозначая объекты, находящиеся на «чужих», как правило, более северных территориях. Иррадиация термина, по-видимому, способствовала тому, что при незначительном количестве словообразовательных дериватов термин *сор* отличается семантически разветвленной системой значений.

Объекты, которые обозначаются термином *сор* в его основном значении (ср. *сор* для Припелымья: «заливные площади, луга по берегам Оби, на которых после спада воды образуются соровые озера, нередко соединенные протоками с речной системой» [3. С. 72]), расположены в зоне тайги, поэтому на территории Тюменской области высокая активность термина, в том числе и в составе топонимов, отмечена в говорах Уватского района (в зоне южной тайги). Начиная с Тобольского района, активность термина заметно снижается [5. С. 36]. Наши наблюдения показали, что в направлении к югу смещается и значение термина: в своем первичном значении *сор* используется для обозначения «чужих» объектов — больших водных пространств, расположенных на отдаленных северных территориях. Ср. *Сора* — заливная местность, пойма, чистины в сорах есть. Рыба там остается, летует. На севере сора, дальше там есть, у нас-то соров нет (Аром, Новопетрово). В обозначении «своих» объектов происходит своеобразная «минимализация» значения термина *сор*: он становится номинативным знаком микрообъектов: небольших озер, заливов, заливных лугов. Ср. *Сор* — просто покосное место, заливное, на покосе оно. Здесь соров-то шипко и не было (Тоб, Абрамова). *Старицы у нас есть, сорами и зовут, а все больше старицы* (Ярк, Шучья). Актуализирует данное значение форма *сорок* «заливной луг», которая, впрочем, встречается и на более северных территориях: «*Сорок заливається, потом вода уйдет, это лайда*» (Ув, Тугалово).

А. Е. Аникин, рассматривая происхождение термина *сор* в русских говорах Сибири, выдвигает несколько этимологических гипотез, вероятностные обоснования которых обусловлены историко-географическими факторами.

1. Для северных ареалов бытования термина наиболее убедительной считается версия, предложенная А. Алквистом, Б. Кальманом и поддержанная А. К. Матвеевым: «Русское слово заимствовано из средних говоров хантыйского языка (например, казымск.), где употребляется фрикативный *л*» [3. С. 72]. А. К. Матвеев указы-

вает на М. Фасмера, который возводит русское *сор* к предполагаемому древнехантыйскому *sor [3. С. 73]. По этому поводу Т. Н. Дмитриева пишет, что В. Штайниц критически отнесся к хантыйской этимологии русского *сор*, поскольку корреляция хант. *ʃ* ~ рус. *с* носит лексически ограниченный (единичный) характер, в то время как географические названия всегда заимствуются русским языком с *л* [5. С. 37]. Поддерживая версию М. Фасмера и С. К. Патканова о древнехантыйском происхождении рус. *сор*, Т. Н. Дмитриева допускает существование на определенном этапе промежуточной хантыйской формы *sor, которая в этот период и была заимствована русскими: «Финно-угорское *š, передающееся в современных хантыйских диалектах через *l*, *t*, *j* и т. д., на каком-то промежуточном этапе изменений могло в одном из диалектов (или в нескольких диалектах) отражаться в виде *s» [5. С. 37].

Отмечая некоторые неясности историко-фонетического характера, А.Е.Аникин считает эту гипотезу наиболее приемлемой для северного ареала бытования термина *сор*. В поддержку данной версии А.Е.Аникин приводит мнение Б.А.Серебренникова, допускающего происхождение рус. *с* из тех диалектов, где хантыйское слово звучит с начальным межзубным *с*» [6. С. 504].

Добавим, что в пользу данной гипотезы свидетельствуют и факты сравнительно-исторической фонетики, приводимые П.Хайду. Так, П.Хайду считает, что в угорском праязыке уральские *s, *š совпали в *х-образном звуке [7. С. 275], позже «из угорского глухого интердентального спиранта *х- за счет расширения щели возникли хантыйские *л*-, *l*; закрытие щели и образование смычки породило рефлекс *t*- в мансийском языке и в южных диалектах хантыйского ... В одном из восточнохантыйских диалектов (Васюган) рефлексом угорского *х- (только в анлауте) является *j*. В другом изолированном восточнохантыйском диалекте (Ликрисовское) до сих пор сохраняется угорский *х-» [7. С. 276]. Сравнительно-историческое изучение хантыйских диалектов может служить дополнительным обоснованием в пользу версии о существовании промежуточных этапов в истории анлаутных сибилантов, которые в определенных условиях были восприняты русскими как свистящие.

В пользу данной гипотезы свидетельствует факт раннего заимствования русскими термина. Так, это слово уже в 1675 г. упоминается в «Дорожном дневнике» Спафария [8. С. 517].

2. На территории Тобольского района зафиксирована форма *сорь* «большое проточное озеро», в более южных — Аромашевском и Гольшмановском — *шор* «заливной луг, болотистое место, низина». *Сорь* и *шор* могут рассматриваться как лексико-фонетические варианты термина *сор*, но, как показал А. Е. Аникин, их можно считать самостоятельными лексемами, источник которых следует искать в коми-зырянских диалектах: *сорь* или *зорь* < зырян. *шор* «курья», при этом, — пишет А. Е. Аникин, — следует считаться также с возможностью контаминации (или даже этимологической связи) с *сор* < хант. *sor [6. С. 505].

Влияние коми-зырянских диалектов на складывающиеся старожильческие говоры Тюменской области нельзя исключить. Историки утверждают, что, хотя в сибирских официальных документах этническая принадлежность коми не указывалась, тем не менее «среди переселявшихся ижемцев, сысоличей, вымичей, лузян, вилежан было немало коми, которые, безусловно, сыграли роль в сложении старожильческого населения Сибири» [9. С. 27]. Это и дало основания Т. А. Тяботову утверждать, что при усвоении русскими терминологии и топонимии хантыйского происхождения участие коми языка не подлежит сомнению, поэтому встречаются названия, усвоенные через коми язык и испытавшие двойную адаптацию (комизированные и русифицированные наименования). Установление смыслового значения последних — задача более сложная» [10; 12].

3. Для тюменских говоров, развивающихся в русско-казахском пограничье, актуальна тюркская версия, также предложенная А. Е. Аникиным вслед за Э. М. Мурзаевым, М. Ф. Розеном: *сор* «особый тип мелководных озер, распространенных в Казахстане и отчасти на юге Западной Сибири» < казах., кирг. *сор* «солончаки», уйг. «солончаковая степь» (по Радлову), п-монг, калм. *шор* «соль», в конечном счете их персид. *šor* «соль» [6. С. 506].

В тоб.-ирт. диалекте языка западносибирских татар *шур* «соленая вода» [11. С. 251], однако, судя по работам тюркологов [12], данное слово (*шур* ~ *сур* ~ *сор*) непосредственно географическим значением не обладает и в топонимическом образовании региона не участвует, хотя архивные материалы и содержат топонимические материалы, отражающие термин *сор*, употребляющийся в тюменской топонимии северной лесостепи.

Появление в русских старожильческих говорах термина *сор*, как показывает проведенный анализ, обусловлено направлением русской колонизации — с севера на юг — и связано, по всей вероятности, с обско-угорскими языками. Не исключена гетерогенная природа термина, в котором совместились разноязычные диалектные явления, обусловленные этноконтактными сближениями.

Широкая иррадиация термина, а также длительная традиция его использования для номинации «своего» и «чужого» отражает два разнонаправленных исторических процесса: внутренняя миграция старожильческого населения, носителей говоров севернорусского типа, на постоянное жительство — с севера на юг и сезонная — с юга на север. В первом случае речь идет о переселении крестьян из северных районов в южные, во втором — о сезонных сдвигениях промысловиков в районы Крайнего Севера. Оба этих процесса носили массовый характер, о чем свидетельствуют не только исторические документы, но и полевые материалы.

Иррадиальный характер термина *сор* на территории юга Тюменской области может отражать явление сезонного взаимодействия языков, о котором писал А. К. Матвеев.

Контактологическое изучение заимствований в географической терминологии Тюменской области позволило установить два типа хронологических корреляций, соответствующих этапам русского освоения территории: досибирский и сибирский, причем в составе досибирской иноязычной терминологии отчетливо выделяется пласт заимствований, соотносящийся с территорией Северного Урала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лабунец Н. В. Словарь народных географических терминов Тюменской области (южные районы). Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. 208 с.
2. Аникин А. Е. Из лексического комментария к русской колонизации Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 4. С. 74-77.
3. Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала / Ученые записки УрГУ. Языкознание. Екатеринбург, 1959. Вып. 32.
4. Дмитриева Т. Н. К изучению лексики обско-угорского происхождения в русских говорах Нижнего Прииртышья // Этимологические исследования. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. С. 41-54.
5. Дмитриева Т. Н. Лексика обско-угорского происхождения в русских говорах Нижнего Прииртышья // Этимологические исследования. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. С. 28-44.
6. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
7. Хайду П. Уральские языки и народы / Пер. с венгерского языка Е. А. Хелимского. Под ред. К. Е. Майтинской. М.: Изд-во «Прогресс», 1985.
8. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Изд-во «Мысль», 1984.

9. Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк / Отв. ред. Бунак В. В., Золотарева И. М. и др. М.: Наука, 1973.

10. Тяботов М. А. Индикаторы коми языка в топонимии Приобья // Этимологические исследования. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. С. 12 - 31.

11. Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во КазГУ, 1992.

12. Алишина Х. Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области): В 2 ч. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999.

*Александра Павловна УШАКОВА —
кандидат филологических наук, доцент
кафедры общего языкознания*

УДК 811.161.1+811.163.3

О ФОРМИРОВАНИИ КАТЕГОРИИ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы о статусе притяжательных прилагательных в русском и сербском языках, о выражаемом ими значении, а также о категории относительно-притяжательных прилагательных.

The article focuses on the problematic points of Possessives in the Russian and Serbian languages, their meaning and the category of Relative Possesive.

Притяжательные имена прилагательные являются древнейшим средством выражения категории принадлежности, они были известны еще индоевропейскому языку. Некоторые из них функционировали в праславянский период, в дальнейшем притяжательные прилагательные имели разную степень употребления в славянских языках [1. С. 140-145]. В исследованиях по вопросу о выражении притяжательности в исторические периоды существования русского и других славянских языков все сходится во мнении, что основным средством выражения категории притяжательности в этот период было притяжательное прилагательное, использование родительного принадлежности было ограничено определенными условиями. Р. Мароевич отмечает: «... на определенной стадии развития праславянского языка употребление поссессивного генетива имени существительного грамматически стало невозможным. Причину этого явления следует, вероятно, искать в объединении значений после совпадения форм старого генетива и старого аблатива. Поссессивный генетив был заменен суффиксальными притяжательными категориями. Принимая на себя функцию поссессивного генетива, суффиксальные притяжательные категории восприняли и его синтаксическое употребление в рамках именной парадигмы. Так сформировалась особая грамматическая категория праславянских притяжательных прилагательных, которые, входя в парадигму мотивировавших их существительных, приобретали и особенности имени прилагательного (согласованного по роду, числу и падежу с определяемыми существительными). Поссессивный генетив после подобных изменений имел довольно ограниченное употребление...» [1. С. 56-57].

С. Я. Макарова, в свою очередь, пишет: «Иное взаимоотношение в употреблении родительного падежа принадлежности и притяжательных прилагательных существовало в языке древнерусском... славянские языки, в том числе и русский, при выражении принадлежности предпочитали употреблять притяжательные прилагательные, тогда как в других родственных индоевропейских языках в данном случае употреблялся родительный падеж» [2. С. 7]. Это свойство нашего языка восходит, по словам Ф. И. Буслаева, ко временам перевода Священного Писа-